

XV №
20

Государственная
Библиотека
ООП
И. В. Давыдов

годъ ХЛ.

Еженедѣльное

іюля 26-го 1908 г.

изданіе.

№. 30.

Редація открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер.
Епархіальный домъ, редакція
„Моск. Церк. Вѣдомостей“.

Объявленія принимаются за стро-
ку или мѣсто строки: за 1 разъ
30 к., за 2 раза 50 к., за 3 раза
70 коп., на годъ—по особому
условію.

Подписная цѣна: безъ до-
ставки на годъ 3 р. 50 к., на
полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р.,
на мѣсяць 40 к.
Съ доставкою и пересылкою
на годъ 6 р., на полгода 3 р.,
на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣ-
сяць 1 р.
Отдѣльные №№ продаются въ
Редаціи Московскихъ Церков-
ныхъ Вѣдомостей.

Соціаль-демократія и будущій общественный порядокъ.

(Продолженіе. См. № 29).

Теперь возстаютъ предъ нашими глазами другіе во-
просы величайшей важности. Когда человѣкъ пробылъ
на нелегкой тѣлесной работѣ, положимъ, отъ 4 до 6 ча-
совъ, то охотно-ли пойдетъ онъ на духовную работу?
Будетъ-ли онъ въ ней искать своего отдыха и развлече-
нія? Пусть такъ думаетъ объ этомъ, кто какъ захочетъ, я
же ни на одну минуту не допускаю такой мысли, и именно
потому, что умственная работа—не отдыхъ, а скорѣе
трудъ, напряженіе. Большинство людей будетъ, поэтому,
и въ социалистическомъ царствѣ искать своего отдыха
въ удовольствіяхъ, развлеченіяхъ и наслажденіяхъ, какъ

это общають вожакі соціалъ-демократіи. И только незначительное меньшинство будетъ, можетъ быть, находить себѣ развлеченіе въ занятіяхъ наукою, поэзіею, музыкою, живописью и т. п. А что сказать о школьныхъ учителяхъ? Ужели и они, по выполненіи своей физической работы, должны еще, въ смыслѣ отдыха и развлечения, провести часа четыре за преподаваніемъ уроковъ? Они были-бы ослами, если бы они это сдѣлали. Заниматься преподаваніемъ, воспитаніемъ, школою,—это не только не отдыхъ, но одинъ изъ видовъ самаго напряженнаго труда, какой только существуетъ на свѣтѣ; дѣло это несравненно труднѣе, чѣмъ колоть дрова или разбивать камни. При этомъ условіи наберется отнюдь не менѣе двухъ милліоновъ учителей высшихъ и низшихъ школъ, которые потребуются для новаго государства. Всѣхъ ихъ, слѣдовательно, необходимо освободить отъ фабричной работы. *Вмѣстѣ съ этимъ у насъ явилось бы первое привилегированное сословіе, появились-бы и классы и сословное хозяйство.* Далѣе, какъ должно быть поставлено сословіе врачей? Ужели и врачъ долженъ извѣстное количество часовъ проработать на фабрикѣ, прежде, чѣмъ начать свою врачебную практику? Ужели и онъ долженъ видѣть въ этой послѣдней врачебной дѣятельности свой отдыхъ? Глупецъ былъ бы онъ, если бы дѣлалъ это, ибо докторская практика есть очень и очень трудное и утомительное занятіе. А какъ быть въ томъ случаѣ, если кому-нибудь во время всеобщей работы потребуетъ медицинская помощь? Гдѣ взять ее? Можно ли тогда взять врача съ своего поста на фабрикѣ, на которомъ безъ него, можетъ быть, нельзя обойтись? Поэтому необходимо освободить отъ тѣлесной работы и врачей и аптекарей, которыхъ иначе не откуда взять. Это второе преимуществующее сословіе. А какъ поступить съ членами общественнаго управленія и провинціальныхъ коллегій, съ директорами фабрикъ, съ завѣдующими на базарахъ,—ужели и они сначала должны полдня работать тѣлесно, а другую половину посвящать, для отдыха, своей должности? Глупцами были бы, если бы и они это сдѣлали! Такія должности часто въ нѣсколько лѣтъ изнуряють и разрушаютъ жизненныя силы человѣка, а вѣдь эти люди имѣють тоже одну только жизнь, которою и

имъ хочется насладиться. Такое тяжелое бремя занятій, поистинѣ, есть не наслажденіе, не отдыхъ. Кромѣ того, какимъ образомъ директоръ, напр., можетъ управлять фабрикою, если онъ самъ долженъ стоять на извѣстномъ, опредѣленномъ мѣстѣ и работать, какъ обыкновенный рабочій? Не можетъ руководить битвою тотъ командиръ, который стоитъ въ ряду воиновъ и бьется со врагомъ, какъ обыкновенный солдатъ. Къ тому же, для такихъ важныхъ постовъ нельзя будетъ брать какого-либо охотника, какого-нибудь неспособнаго, пустоголоваго простеца; поэтому необходимо и занимающихъ эти должности освободить отъ тѣлесной работы. *Еще одно бюрократическое сословіе, еще привилегированный классъ.*

А это освобожденіе однихъ не породитъ ли зависть въ другихъ? Не потянутся ли къ этимъ привилегированнымъ мѣстамъ и многіе другіе? Безъ сомнѣнія, это такъ и будетъ, и здѣсь-то социаль-демократическій общественный порядокъ и показываетъ себя тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности, т. е. *невыносимую тираннію*. Той свободы, какой пользуемся сейчасъ мы, въ новомъ государственномъ строѣ не существуетъ; каждый сидитъ на томъ полѣ, на той фабрикѣ, которая досталась на его долю, при которой онъ и долженъ оставаться навсегда. Здѣсь нѣтъ никакого свободнаго выбора. Смотря по нуждамъ и потребностямъ общества каждый обязанъ исполнять то ту, то другую работу, несмотря на то, нравится ли ему эта работа, или нѣтъ. Центральное управленіе объявитъ: нужно столько-то портныхъ, сапожниковъ, слесарей, плотниковъ, фабричныхъ рабочихъ или пахарей, и, когда все потянутся, разумѣется, къ самымъ легкимъ и самымъ пріятнымъ занятіямъ, то властная рука распорядителя назначаетъ каждому это или то занятіе, не соображаясь съ его вкусомъ и желаніемъ, и такимъ образомъ, переводитъ кого-либо на другое занятіе, не на то, къ которому онъ имѣетъ болѣе склонности и навыка,—и переводитъ потому, что въ немъ чувствуется недостатокъ рукъ. Бебель прямо пишетъ: „Общественные рабочіе могутъ быть назначаемы въ извѣстную пору года болѣе на сельскія работы, а въ другую—на работы въ области индустріи. *Управленіе можетъ распоряжаться рабочими силами такъ, какъ этого*

требуют ежедневныя обстоятельства“. Сколько насилія, рабства и стѣсненія заключается въ этомъ одномъ положеніи! И какъ чувствуютъ себя люди, которые должны изучить и исполнять сегодня то, а завтра другое — это каждый изъ насъ можетъ очень легко и ясно себѣ представить.

Но пойдѣмъ далѣе. Нашимъ социаль-демократическимъ вожакамъ, такъ сказать, спицею въ глазу служатъ нынѣ существующія гимназіи и высшія учебныя заведенія съ ихъ профессорами. Не будутъ ли и онѣ въ новомъ царствѣ совсѣмъ уничтожены? Спрашиваю такъ, потому что въ книгѣ Бебеля о нихъ ничего не говорится. Но тогда какъ же будутъ существовать науки? Гдѣ должны будутъ совершаться безчисленныя и великія изобрѣтенія будущаго? Не думаютъ ли ихъ высосать изъ пальца? или можетъ быть эти ученые изобрѣтатели будутъ чистыми диллетантами и самоучками? А можетъ быть, эти химики, доктора, изслѣдователи природы и т. д. будутъ выходить изъ народныхъ школъ? Ужели для правильнаго отправленія такихъ обязанностей не потребуется никакого продолжительнаго обстоятельнаго спеціальнаго обученія? И будетъ ли это продолжительное соединеніе съ работою на фабрикѣ? Или это ученіе и обученіе будетъ совершаться по приказанію, вмѣсто отдыха, хотя это далеко не отдыхъ? Не думаетъ ли кто-нибудь въ сердечной простотѣ своей, что необходимыя научныя знанія для учителя, для естествоиспытателя, химика и изобрѣтателя въ одно мгновеніе прійдутъ по желѣзной дорогѣ? Для этого дѣла необходима многолѣтняя усидчивая работа, непрерывные опыты изслѣдованія и наблюденія, нерѣдко сопровождаемые бессонными ночами. И эта работа никоимъ образомъ не можетъ быть сокращаема и облегчаема, а всего меньше въ томъ случаѣ, если бы такого мыслителя заставили каждый день по нѣскольку часовъ чистить клоаки или чинить старые башмаки. Итакъ, еще разъ повторю: *если вся умственная работа, всякое обученіе, всякое изслѣдованіе будутъ предоставлены добровольному диллетантству, то мы скоро останемся безъ всякой науки*. Если же для этого необходимо нужны, какъ я думаю, особыя учебныя заведенія, профессора и учащіеся, тогда снова выплываютъ на по-

верхность и вступаютъ въ свои права университеты и студенты, снова выступаютъ на сцену, одно за другимъ, учрежденія бюрократическаго государства, хотя, можетъ быть, подъ другими именами, но во всякомъ случаѣ не въ томъ превратномъ, неестественномъ видѣ, какъ сейчасъ представляетъ ихъ социаль-демократія. И если учителя и ученики вышихъ социалистическихъ школъ должны съ надлежащимъ усердіемъ и успѣхомъ заниматься умственною работою, то ихъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ обременять еще работою физическою. *Тогда мы имѣемъ еще классовое различіе, еще одно преимущественное положеніе, коего не всякій можетъ достигнуть и занять.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Праздникъ Св. Владиміра въ Кіевѣ.

15-е іюля было днемъ особаго празднества въ Кіевѣ. Какъ и всегда, Кіевъ радостный, какъ бы привѣтствовалъ своего любимаго князя-просвѣтителя.

Но въ текущемъ году 15-е іюля было для кіевлянъ днемъ особаго празднества, усугублявшагося тѣмъ, что въ этотъ день духовная радость кіевлянъ раздѣлена была сонмомъ іерарховъ земли Русской, вмѣстѣ съ тремя митрополитами, въ средѣ которыхъ былъ первосвятитель московскій митрополитъ Владиміръ — соименный святому князю Владиміру.

Во всѣхъ историческихъ храмахъ Кіева въ этотъ день священнодѣйствовали русскіе іерархи, а во Владимірскомъ соборѣ, какъ всенощное бдѣніе наканунѣ 15-го іюля, такъ и въ самый день святаго Владиміра, всенощное бдѣніе и литургію совершалъ московскій первосвятитель. За литургією протоіереемъ Восторговымъ было сказано прекрасное слово.

По окончаніи литургіи изъ Кіево-Владимірскаго собора, во главѣ съ митрополитомъ Владиміромъ, тронулся крестный ходъ по направленію къ Крещатику—къ мѣсту крещенія кіевлянъ.

По пути слѣдованія процессіи изъ Владимірскаго собора къ ней присоединились хоругви и святыя иконы въ

сопровожденіи петербургскаго митрополита Антонія и кievскаго Флавіана и многихъ святителей изъ Софійскаго собора и изъ Кіево-Михайловскаго монастыря. Тамъ и здѣсь слышались гимны военной музыки „Коль славенъ“.

Народъ, при хорошей солнечной погодѣ, залилъ все улицы, переулки и прилегающіе сады.

Такъ и казалось, что вотъ старый „древне державный Кіевъ“ вышелъ къ своему князю любимому—Владиміру—красному солнышку и ко всемъ подвижникамъ, которыхъ, вслѣдъ за нимъ, дала небу земля Русская; и здѣсь, у этихъ древнихъ святыхъ Кіева—матери городовъ русскихъ, существенно соединился съ своимъ святымъ княземъ, чтобы подъ его благодатнымъ кровомъ выступить на защиту вѣры и чаяній новой, но старой по духу, Руси...

И въ безмолвномъ трепетѣ молящихся сердецъ такъ и чувствовалась мощь народа, пришедшаго за десятки, иногда за тысячи верстъ, къ святынямъ кievскимъ.

Такъ и хотѣлось сказать: храни же, святая Русь, великіе завѣты древне-благочестивыхъ князей и подвижниковъ, осіявшихъ землю Русскую подвигомъ вѣры, подвигомъ богоугодной жизни!

Д. Введенскій.

Тревожные вопросы въ пастырской жизни.

Жизнь чуткаго, болѣющаго за свою паству, пастыря есть поистинѣ жизнь на крестѣ.

Обычно думаютъ, что пастырство состоитъ въ священнодѣйствіи, въ проповѣди.

Люди, незнакомые съ подвигомъ пастырства, даже не замѣчаютъ, подчасъ, и этихъ прямыхъ и неизбѣжныхъ задачъ пастырства. Они видятъ въ пастыряхъ только людей, которые живутъ, припѣваячи, на средства прихожанъ.

А между тѣмъ, часто безвѣстные, труженики-пастыри, глядишь, гдѣ нибудь въ глуши, съ грустью размышляютъ о томъ, какъ помочь человечеству разрѣшить міровыя задачи христіанства, какъ обновить и возродить обществен-

ную жизнь, какъ живущимъ на землѣ показать путь къ небу.

Часто думаютъ, что жизнь среди простого народа не предъявляетъ этихъ тревожныхъ вопросовъ къ пастырской совѣсти.

Но въ дѣйствительности далеко не такъ.

Пастырю предносятся иногда такіе вопросы, рѣшить которые не взялась бы никакая дума, никакая ученая коллегія.

А эти вопросы жгучіе, мучительные, тревожные...

Вотъ, напримѣръ, скорбныя странички изъ пастырской практики.

— Съ недѣлю назадъ, пишетъ одинъ пастырь, приходитъ женщина въ рубищѣ, избитая, еле живая...

Бѣдная женщина рассказывала въ слезахъ, что мужъ ея—и трезвый и пьяный—не только бьетъ ее кулаками, плетью, палками—по чему попало, но давить ее сонною, до крови кусаетъ зубами, сбрасываетъ ее съ кровати и гонитъ полуодѣтую на морозъ и вьюгу...

И это дѣлаетъ, подумайте, человѣкъ въ полномъ сознаніи, работающій, хорошо ведущій свое хозяйство, но, конечно, потерявшій всякій стыдъ, совѣсть и страхъ Божій. Его озлобленность и издѣвательство надъ беззащитной женщиной доходитъ до того, что иногда вдругъ, рубя дрова съ женою въ лѣсу, раздраженный ея слабосиліемъ, онъ, какъ звѣрь, набросится съ топоромъ на нее.

— Ложись, змѣя, на пень!.. Сейчасъ голову отрублю!— и замахнется топоромъ надъ трепещущей жертвой...

Та на колѣни... цѣлуетъ его ноги... со слезами проситъ пощады, но сердце злодѣя не дрогнетъ... И поблѣвшая жена, перекрестясь, покорно ложится на плаху...

Но издѣватель только этого и хотѣлъ...

— Встань, гадина!—толкаетъ ногою женщину.

И та встаетъ и принимается снова за пилу.

Господи! подумаешь: до чего только можетъ опуститься человѣкъ! Неужели это правда? Неужели это человѣкъ, называющій себя христіаниномъ, ежегодно причащающійся Святымъ Тайнамъ безконечной любви (а это такъ, по словамъ женщины)?! Не хочется даже вѣрить этому...

Но, вѣрьте, каждое слово здѣсь скрѣпляется жгучими слезами бѣдной женщины, добровольно пришедшей искать помощи.

Въ послѣдній разъ извергъ—мужъ стрѣлялъ въ нее, но, къ счастью, ружье дало осѣчку, и жена убѣжала не-вредимой.

И вотъ она стояла, продолжаетъ пастырь, у меня, избитая, не день и не два несшая непосильное бремя мученической жизни, а цѣлыхъ 12 лѣтъ страдающая, ругаемая и терзаемая и глазами, полными слезъ, просила совѣта и помощи...

— „Батюшка! посовѣтуй ты мнѣ, что надо сдѣлать съ нимъ“?..—и до сихъ поръ еще, слышу я, раздается въ моихъ ушахъ...

Но что я могъ посовѣтовать ей? Какъ долженъ былъ облегчить ея участь?—Я не зналъ и не знаю... Она не просила — „что сдѣлать *мнѣ*“, — но — „что сдѣлать съ *нимъ*“?.. Да, если бы первое, то, конечно, я зналъ бы, что сказать ей для защиты ея личности... Взять паспортъ, уйти отъ изверга и жить отдѣльно... Но у нея дѣти—малолѣтки, у нея хозяйство, довольство, „восемь коровъ“, наконецъ, у нея еще горитъ чувство къ этому извергу—мужу,—она не рѣшается на этотъ шагъ...

Она бы стала жить и среди ежедневныхъ побоевъ, зная, что отъ нихъ не умретъ, но она боится, чтобы онъ совсѣмъ не убилъ ее, и не потому боится, что жалѣеть и бережетъ себя, нѣтъ! она боится за своихъ дѣтокъ, которыя должны будутъ погибнуть, когда заберутъ и сошлютъ женоубійцу—отца.

Вотъ глубокая, простая душа русской женщины! Сколько величія и дивной красоты въ ея самоотверженномъ сердцѣ!

Постигните тайну совершающейся въ немъ жизни и будетъ понятно, какъ трудно отвѣтить на ея простые по формѣ вопросы... Такъ велико и многообъемлемо по своему содержанію пастырство!.. Такъ жгучи и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожны вопросы, предъявляемые къ пастырю!

— Какъ сдѣлать, чтобы онъ ее не убилъ?..

— Остерегайся, не раздражай, молчи, покоряйся, молись и терпи!—вотъ что сказалъ пастырь, и чувствовалъ, что этого недостаточно“...

Это ли, въ самомъ дѣлѣ, не вопросы?..

И пастырь не можетъ уйти отъ этой, часто встрѣчающейся въ сѣрой деревнѣ, драмы жизни, драмы ужасной...

Здѣсь пастырю поставленъ такой вопросъ, надъ которымъ человекъ, толкующій только о хлѣбѣ, объ уравненіи правъ, о поступленіи женщинъ въ университетъ, можетъ и не задумываться, да, конечно, и не задумывается, а если и задумался бы, такъ не помогъ бы его рѣшенію... Здѣсь не только вопросъ плоти, но и духа...

А пастырю нужно сѣять и сѣять...

И если есть такая нива, на которой нужно сѣять сто разъ, чтобы пожать хотя одинъ разъ, то она именно до-стается пастырю...

Конечно, онъ можетъ забросить свою ниву... Но не о такихъ пастыряхъ говоримъ мы...

Добрый пастырь не полагаетъ рукъ своихъ... Въ бурю и непогоду, въ години общей сумятицы онъ идетъ по легкой бороздѣ...

И въ то время, какъ часть общества предается легенькому сентиментализму, или изнываетъ въ затаенной злобѣ, добрые труженики—пастыри уже исходятъ на дѣла свои. Они всегда лицомъ къ лицу стоятъ у нивы, которая безотлагательно ждетъ посѣва, которая требуетъ дѣла, а не словъ, требуетъ дѣятельнаго состраданія, пониманія души, а не праздныхъ воздыханій.

И вотъ, напримѣръ, что надумалъ упомянутый нами пастырь въ виду семейной драмы¹⁾.

„Разбираясь въ мысляхъ, какъ бы долженъ поступить пастырь въ вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, чтобы, не нарушая семейной жизни и супружескихъ отношеній, внести въ нее миръ, любовь и согласіе,—я остановился на мысли о развитіи приходско-общинной жизни, какъ ячейки Вселенской Христовой церкви, этого Царства Божія на землѣ“.

„Начала христіанской любви и взаимопомощи, положенныя въ основу дѣятельности церковно-приходской общины, развиваютъ свои мысли пастырь, должны обнять всѣ стороны жизни принадлежащихъ ей членовъ. Церковная община должна имѣть попеченіе не только о надлежащемъ

1) Новог. еп. в. Ср. „Воскр. Чт.“ № 17, 1908 г.

отношеніи прихожанъ къ своему храму и связаннымъ съ нимъ благотворительнымъ учрежденіямъ въ смыслѣ украшенія, благолѣпія и поддержки ихъ существованія,—но должна быть и блюстительницей жизни и благочинія ихъ. Словомъ воздѣйствія, вразумленія и даже разумнымъ наказаніемъ она должна будетъ защищать права обиженныхъ, бѣдныхъ и сиротствующихъ... И эта мѣра „міра христіанскаго“, устами котораго, какъ малой церкви, говоритъ самъ Богъ, должна настолько привиться потребностямъ и сознанію каждаго члена общины, что совѣмъ уже не должна казаться виѣшнимъ вторженіемъ въ частную жизнь. Наказаніе, и даже публичное вразумленіе согрѣшившему, сдѣланное пастыремъ церкви отъ имени Божія и лица всей общины, естественно, должно быть болѣе дѣйственно и болѣе обязательно къ исполненію. Община сама должна и смотрѣть, какъ согрѣшившій братъ ея будетъ нести положенное наказаніе и опекать жизнь семьи его отъ злоупотребленій имъ своею надъ ней властью“.

И думается, что съ развитіемъ такой жизни прихода мало-по-малу должна будетъ разсѣяться и та вѣковая мгла невѣжества, которая теперь окутала нашу деревню, должна будетъ высохнуть и та ненасытная бездна пьянства, порождающаго массу пороковъ, которая теперь залила и затопила обезумѣвшую деревню; долженъ будетъ, наконецъ, разрѣшиться и тотъ угаръ политическаго броженія, который, точно дымъ, разостлался надъ деревней...

Если присмотрѣться къ состоянію нашего судопроизводства, то придется согласиться съ тѣмъ, что очень большая область проступковъ, какъ противъ цѣлаго общества, такъ и противъ отдѣльныхъ личностей даже противъ близкихъ лицъ не измѣряется никакими наказаніями. И въ то же время вопіющая жестокость, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ жестокое обращеніе съ женою мужа требуютъ удовлетворенія и врачеванія.

Очевидно, остается одна область нравственнаго воздѣйствія—и это то воздѣйствіе прежде всего и выпадаетъ на долю пастыря...

Правда, нелегокъ подвигъ пастыря. Онъ вѣчно подъ крестомъ, а

Кто крестъ однажды хочетъ несть,
Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно...

Но распятіе за правду есть свидѣтельство о подвигѣ любви.

Этотъ подвигъ и особенно въ наши дни, когда съ такой неумолимостью выдвигаются повсюду законы о борьбѣ за существованіе, и свидѣтельствуется о томъ, что не вотще труждаются пастыри, что они и на землѣ указываютъ забытый путь къ небу...

В.

Молитва Св. Великомученику и Цѣлителю Пантелеймону.

Страданьемъ удрученъ,
Разбить болѣзнью злою,
Я шлю тебѣ свой стонъ,
Святой Пантелеймонъ,
Съ горячею мольбою...
Я скорби слезы лью,
Въ слезахъ тебя молю,
Что-бъ, Мученикъ-Цѣлитель,
Ты посѣтилъ мою
Смиренную обитель...
Я въ мукахъ изнемогъ,
Отъ скорби каменѣю,
Но Милосердый Богъ
Мнѣ жить еще помогъ
Десницею Своею...
Чтобъ тяжесть злыхъ оковъ
Мнѣ легче становилась,
Онъ вѣру и любовь
Мнѣ сохранилъ, и вновь
Душа воспламенилась.
Съ любовью, съ вѣрой той
Къ тебѣ теперь иду я,
Пантелеймонъ Святой!—
Чудесь источникъ свой
Излей, меня врачаю!
Мольбамъ моимъ внемли
И Господа моли,
Что-бъ Онъ—меня—Владыка
И неба и земли
Спасъ милостью великой,—

Что-бъ подвигъ жизни я
 Докончить могъ съ терпѣньемъ,
 Надѣясь и любя.
 И Господа хвала
 Немолкнушимъ хваленемъ!..

* * *

Въ страданіяхъ *моихъ*
 Когда изнемогаю,
 О мукахъ я *чужихъ*
 О людяхъ всѣхъ больныхъ,
 Несчастныхъ вспоминаю...
 И, словно, Самъ Господь,
 Больному въ назиданье,
 Что-бъ легче побороть
 Страдающая плоть
 Могла своей страданья,—
 Меня въ пріютъ привель
 Средь тяжкихъ испытаній,
 Гдѣ я, больной, нашель
 Весь гнетъ *тягчайшихъ* золь,
Тягчайшихъ мукъ, страданій...
 • О, горестный пріютъ!..
 Тамъ люди не живутъ,
 А въ мукахъ догораютъ,
 Но жизни не клянутъ
 И вѣры не теряютъ.
 Одинъ лишь уголокъ
 Увидѣвъ *тѣхъ* страданій,
 Постигъ я, какъ мнѣ Богъ
 Гнетъ облегчать помогъ
 Моихъ земныхъ терзаній
 Когда я въ нихъ томлюсь,—
 Къ чужимъ я испытаньямъ
 Душой переносусь
 И за всѣхъ тѣхъ молюсь,
 Кто удрученъ страданьемъ...
 Пантелеймонъ Святой,
 Нашъ Мученикъ-Цѣлитель!
 Елей цѣлебный свой
 Пролей на міръ земной—
 Скорбей и мукъ обитель!
 Передъ тобой клонюсь
 Я съ пламенемъ молитвы
 И искренно молюсь,
 Что-бъ мученицу—Русь
 Ты спасъ отъ грозной битвы!
 Пусть всѣхъ, кто въ ней скорбитъ,

За родину страдая,
 Утѣшить, исцѣлить
 И духомъ обновить
 Мольба твоя святая!..
 А тѣмъ, кто слѣпо къ ней
 Питаеть озлобленность,
 Огонь мольбы твоей
 Отъ гибельныхъ страстей
 Послужить исцѣленьемъ!
 Въ божественную высь
 Всегда стремясь душою,
 Цѣлитель,—помолись,
 Что-бъ бѣды пронеслись
 Надъ Русскою землею!
 Пусть весь народъ родной,
 Что мучится, томится
 Отъ бѣды, отъ смуты злой,
 Съ мольбой твоей святой
 Для счастья возродится!

Василій Ивановъ.

За пятьдесятъ лѣтъ.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе. См. № 24).

IV.

Я бѣгалъ по Москвѣ розыскивалъ себѣ мѣсто, но какое же я могъ найти себѣ занятіе? Поступить въ контору—у меня былъ очень дурной подчеркъ, въ приказчики я тоже не годился...

Къ своему счастью я случайно познакомился П. А. Безсоновымъ, извѣстнымъ авторомъ „Каликъ-Перехожихъ“.

Въ то время онъ завѣдывалъ библиотекой Императорскаго Московскаго университета, а впоследствии былъ профессоромъ Харьковскаго; онъ предложилъ мнѣ мѣсто писца при библиотекѣ, или „доставалы“. На моей обязанности было доставать съ полокъ книги для выдачи профессорамъ и студентамъ; жалованье мнѣ положили 8 руб. 53 копѣйки въ мѣсяцъ; такому мизерному содержанію, я былъ радъ, какъ маниѣ небесной. Впрочемъ вскорѣ, по ходатайству П. А. Безсонова, содержаніе мнѣ увеличили до 20 рублей въ мѣсяцъ, кромѣ наградныхъ. На такомъ то жалованіи я и прослужилъ въ университетской библиотекѣ лѣтъ пятнадцать. И эти немалые годы, проведенные мною въ библиотекѣ, оставили немало отраднхъ и хорошихъ воспоминаній.

Кто знаетъ, не служи я въ университетской библиотекѣ—не былъ бы я писателемъ...

Жалованіе, какъ не было оно мизерно, мнѣ все же хватало заплатить за комнатку и за четвертаковый обѣдъ въ кухмейстерской.

Что деньги... За то какой богатый, неисчерпаемый источникъ книжной мудрости—передъ моими глазами.

Съ самыхъ отроческихъ лѣтъ книги были моею страстью. Бывало еще мальчикомъ скопишь копѣекъ двадцать-тридцать и бѣжишь въ Проломныя ворота къ букинисту, приобрѣтешь какую-нибудь книжонку и, не помня себя отъ радости, спѣшишь съ нею домой...

Странное, было время, непонятное.

Отецъ мой былъ очень умный, и, по своему развитой человѣкъ, но недолюбливалъ, когда застанеть меня, или кого изъ братьевъ въ лавкѣ за книжкой, хоть покупателей и нѣтъ, — дѣлать нечего, а не читай. Но дома не возбранялось намъ это занятіе.

Близъ Охотнаго ряда, гдѣ теперь Новый театръ, находился когда то артистическій кружокъ.

Надъ кружкомъ находились меблированныя комнаты „по-чище“, а надъ ними другія комнаты „съ небелью“ на 5-мъ этажѣ...

И вотъ одну изъ такихъ комнатъ „съ небелью“ занималъ и я, платя 7 руб. въ мѣсяцъ, комната, или скорѣе каморка, была квадратная, небольшая съ низкимъ потолкомъ въ одно квадратное окошко; если посмотришь изъ этого окна на улицу, то народъ казался какими то лиллипутами.

Много, много осталось у меня воспоминаній о моей жизни въ этихъ комнатахъ „съ небелью“.

Немало счастливыхъ, отрадныхъ воспоминаній, немало такъ же и печальныхъ, тяжелыхъ ..

Изъ достаточнаго купеческаго дома, отъ сытаго и вкуснаго обѣда, отъ радушнаго семейства, я очутился одинъ-одинешенекъ, племянница моя проживала у родственниковъ; (эти милые родственники, какъ увидимъ далѣе, и довели ее до Сибири), почти на чердакѣ.

Бывали часто дни, когда у меня не было чѣмъ и заплатить въ кухмистерскую за обѣдъ и приходилось утолять свой голодъ чаемъ съ хлѣбомъ...

Но тогда жизнь была во мнѣ ключемъ; я мало обращалъ вниманія на нужду и весь отдавался попрежнему чтенію книгъ; а читалъ я теперь уже совсѣмъ другія книги, пользуясь указанія и совѣтами профессоровъ университета, которые со мною, бѣднымъ писцомъ, обходились болѣе чѣмъ гуманно.

Многіе изъ нихъ сошли уже въ могилу—М. М. Троицкій, Н. С. Тихонравовъ, Н. А. Поповъ, П. И. Строженко, П. А. Безсоновъ, многимъ имъ я обязанъ, да будетъ память имъ вѣчно!..

На чердакѣ съ моею комнатою по сосѣдству, съ одной стороны жилъ ученикъ консерваторіи, который впоследствии занялъ видное положеніе на сценѣ Большаго театра, какъ пѣвецъ и какъ режиссеръ, а съ другой молодой актерикъ-любитель, теперь фамилія его гремитъ по провинціи и онъ получаетъ тысячныя оклады.

Жизнь, полная лишений, какъ то сблизила меня съ актеромъ и съ музыкантомъ.

Несмотря на то, что мы перебивались съ копѣйки на копѣйку, подчасъ голодали, но все же жилось мнѣ съ ними не скудно.

Длинный, зимній вечеръ.

Столъ. На столѣ самоваръ, позеленѣвшій отъ „опрятности“; керо-синовая жестяная лампочка тускло горитъ на стѣнѣ.

Въ низкой комнаткѣ просто дышать нечѣмъ отъ табачнаго дыма; вмѣсто вентиляціи отворена дверь въ грязный корридоръ...

За столомъ около самовара молодежь, учащаяся и „актерская“.

Живой разговоръ; остроты, смѣхъ... Кто читаетъ громко, вслухъ, стихи; Некрасовъ въ то время былъ въ большомъ ходу и его музой зачитывались, кто декламируетъ изъ „Отелло“, изъ „Лиры“, изъ „Гамлета“; въ комнату появляется новое лицо, это ученикъ консерваторіи съ віолончелью и нисколько не стѣняясь начинаетъ свои упражненія.

Смѣхъ, говоръ затихаютъ. Віолончелиста слушаютъ со вниманіемъ. Онъ, какъ мнѳическій Орфей, невольно заставляетъ подчиняться своему смычку.

Наконецъ музыкантъ утомился, перестаетъ играть и принимаетъ участіе въ общемъ разговорѣ.

И опять поднимается смѣхъ, громкій разговоръ, а если случится тутъ сосѣдъ пѣвецъ, хористъ изъ Большаго театра, начнется пѣніе— изъ „Жизни за Царя“, „Русланъ и Людмила“, „Аскольдова могила“, такъ одна опера и чередуется за другой.

Бьетъ полночь.

По корридору слышны шаги, или скорѣе шлепанье туфель.

— „Сама идетъ“—съ какой то таинственной улыбкой говоритъ одинъ изъ моихъ гостей.

— „Будетъ гонка!“—говоритъ другой.

— „Братцы, давайте встрѣтимъ самую концертномъ“—предлагаетъ пѣвецъ.

— „А я буду акомпанировать вамъ на віолончели!“—говоритъ музыкантъ.

И вотъ въ мою комнату входитъ, или скорѣе вкатывается шарообразная старушка, съ добрымъ, простымъ лицомъ, въ черной юбкѣ, и въ бѣлой коленкоровой кофтѣ, съ такимъ же чепцомъ на головѣ.

Это Акулина Ивановна, содержательница комнатъ съ „небелю“.

Едва только она вошла, какъ начинается „концертъ“—кто во что гораздъ!

Старушка опѣшила, пятится къ двери.

Она вышла въ корридоръ и громко кричитъ:

— „Замолчите, полунощники!.. Что вы?!. Бѣленами что ль обѣлись?!. Молчать, говорятъ вамъ!.. Не то дворниковъ позову, въ часть отправлю!.. Покою не даютъ, каторжные!.. Денегъ гроша нѣтъ, такъ глоткой хотятъ взять!.. Цыцъ, смирно!.. Съ фатеры сгоню“!..

Нельзя не помянуть Акулину Ивановну добрымъ словомъ; она не только ни тѣснила своихъ квартирантовъ, но нерѣдко даже и выручала ихъ изъ безвыходнаго положенія, „всучая“ кому рубль, кому полтину.

По два, по три мѣсяца, даже больше не платили ей за комнату и она терпѣливо ждала.

— „Не сбѣжить, деньги будутъ—заплатить“...
Она никому не отказывала за неплатежъ денегъ.

Квартиранты ее любили; кажется, не было примѣра, чтобы кто нибудь съѣхалъ не расплатившись съ хозяйкой.

Помню, какъ то „въ одну минуту трудную“ я съ своими сосѣдями, т. е. съ музыкантомъ, пѣвцомъ и актеромъ, да еще съ примкнувшимъ къ намъ бѣднягой студентомъ, то же ютившимся въ нашихъ номерахъ, гурьбой отправились, съ голоднымъ желудкомъ, въ „народную столовую“, которая незадолго передъ тѣмъ открылась на Солянкѣ, недалеко отъ „Народнаго театра“, открытаго въ 1872 году, во время политехнической выставкѣ въ Москвѣ, въ 200-лѣтній юбилей рожденія Петра Великаго.

Шли мы въ „Народную столовую“ съ радужными надеждами „поѣсть сытно“, вкусно и дешево, потому что во главѣ учрежденія стояли довольно извѣстные, почетныя лица. Въ то время кухмейстерскій обѣдъ сталъ намъ не по карману, мы рассчитывали въ „Народной столовой“ впятеромъ пообѣдать на 40 копѣекъ, между тѣмъ, какъ въ самой дешевой кухмейстерской намъ пришлось бы заплатить не менѣе рубля.

Пришли. Столовая представляла собой какую то веранду или террасу, открытую со всѣхъ сторонъ, и поддерживаемую на столбахъ.

Потолокъ, столбы, столы, скамьи—все было выкрашено дикою масляной краской.

Мы, весело болтая съѣли за столомъ, въ обществѣ „хитровцевъ“, „босяковъ“, которые бросали на насъ удивленные, даже презрительные взгляды. Но мы нисколько не стѣснялись сего „благороднаго“ общества и усердно принялись за жирные щи изъ общей миски, деревянными ложками. Щи намъ съ голодухи показались довольно вкусными, за щами послѣдовала каша изъ крупной крупы съ саломъ.

Отъ каши я отказался, потому меня уже начинало „мутить“ со шей. Мои товарищи тоже морщились, но все же ѣли...

За обѣдъ, за пятерыхъ, мы заплатили, что то около сорока копеекъ...

Свящ. Д. Дмитріевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лѣтопись епархіальной жизни.

Церковныя вѣсти. 17 іюля, Саввинъ Сторожевскій монастырь торжественно праздновалъ годовщину перенесенія мощей преподобнаго Саввы. Наканунѣ въ монастырь прибыла масса богомольцевъ изъ Москвы, которые заняли всѣ номера монастырской гостиницы, а также и мебелированныя комнаты и помѣщенія въ Звенигородѣ и окрестностяхъ монастыря.

Молебствіе съ акаѳистомъ преподобному Саввѣ послѣ вечерни и всенощную совершалъ управляющій обителью, преосвященный Василій, епископъ Можайскій, съ о. намѣстникомъ игуменомъ Даміаномъ и братіей обители. Онъ же совершалъ всенощную, во время которой на литіи

былъ совершенъ крестный ходъ вокругъ собора съ древней иконой преподобнаго Саввы. Во время всенощной въ положенное время однимъ изъ іеромонаховъ читалось житіе св. Саввы. Во время богослуженія соборъ и монастырь были переполнены богомольцами.

Послѣ раннихъ литургій изъ соборнаго храма былъ совершенъ крестный ходъ въ скитъ преподобнаго Саввы, находящійся въ верстѣ отъ обители. Масса богомольцевъ участвовала въ процессіи, которая представляла величественное зрѣлище. Большой хоръ любителей пѣлъ тропарь св. Саввы и духовныя пѣснопѣнія. Къ 10 час утра крестный ходъ прибылъ къ скиту, гдѣ былъ встрѣченъ преосвященнымъ епископомъ Василиемъ, который совершилъ въ скитскомъ храмѣ литургію, а въ пещерѣ преподобнаго Саввы молебствіе съ чтеніемъ акаѣиста. Преосвященный обратился къ богомольцамъ съ глубоко-прочувствованнымъ словомъ, а по окончаніи молебна сопровождалъ крестный ходъ вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ въ Саввинъ монастырь. Въ соборномъ храмѣ у мощей преподобнаго преосвященнымъ Василиемъ была прочтена молитва съ колѣнопреклоненіемъ, а затѣмъ о. іеродіакономъ провозглашено многолѣтіе.

— 18 іюля, наканунѣ празднованія открытія мощей преподобнаго Серафима, саровскаго чудотворца, въ соборномъ храмѣ Богоявленскаго монастыря всенощное бдѣніе съ чтеніемъ акаѣиста преподобному совершалъ преосвященный Трифонъ, епископъ дмитровскій, съ оо. архимандритами и прочимъ духовенствомъ при громадномъ стеченіи богомольцевъ. Во время литіи былъ совершенъ крестный ходъ вокругъ церкви.

При пѣніи канона богомольцы прикладывались къ ковчегу съ частию мантии преподобнаго Серафима. Въ часовнѣ Богоявленскаго монастыря, гдѣ находится эта святыня, втеченіе дня перебувала масса богомольцевъ, по желанію которыхъ совершались молебны.

— 19 іюля, въ день празднованія преподобному Серафиму, саровскому чудотворцу, въ соборномъ храмѣ Богоявленскаго монастыря литургію и молебствіе совершалъ преосвященный Трифонъ, епископъ дмитровскій, при громадномъ стеченіи богомольцевъ. Преосвященный произнесъ глубоко прочувствованное слово.

Масса молящихся переполняла въ теченіе цѣлаго дня часовню при Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ находится икона преподобнаго Серафима съ частью его мантии. Передъ этой святыней въ теченіе цѣлаго дня совершалось много молебновъ іеромонахами обители.

Торжественныя богослуженія были совершены во многихъ церквахъ столицы.

— 20 іюля, въ день празднованія св. пророку Іліи, былъ совершенъ крестный ходъ изъ московскихъ соборовъ и кремлевскихъ монастырей въ храмъ св. пророка Іліи, что на Воронцовомъ полѣ, гдѣ совершена была литургія преосв. Трифономъ епископомъ Дмитровскимъ. Во главѣ крестнаго хода шелъ преосв. Анастасій епископъ Серпуховскій. Стеченіе народа слѣдовавшаго за крестнымъ ходомъ, было необычайно большое.

22-го іюля, первопрестольная столица торжественно праздновала день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Ѳедоровны.

Съ утра всѣ общественныя зданія столицы и дома частныхъ лицъ украсились національными флагами. Въ храмахъ послѣ литургій были совершены молебствія св. Маріи Магдалинѣ, съ провозглашеніемъ „Царскаго“ многолѣтія.

Въ Большомъ Успенскомъ соборѣ наканунѣ всенощное бдѣніе совершалъ преосвященный Анастасій, епископъ серпуховской, а литургію и молебствіе служилъ митрополитъ Владиміръ, съ епископомъ Авастиасіемъ, оо. архимандритами: Іаковомъ, Макаріемъ, Сильвестромъ, Аванасіемъ, Никодимомъ, Тихономъ, Игнатіемъ и Гавріиломъ и прочимъ духовенствомъ.

За литургіей вмѣсто запричастнаго стиха о. благочиннымъ, протоіереемъ С. В. Успенскимъ, была произнесена проповѣдь.

Молебствіе закончилось провозглашеніемъ протодіакономъ Розовымъ многолѣтій Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ и Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Государю Наслѣднику Цесаревичу, Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ, Великимъ Княгинямъ: Маріи Александровнѣ, Маріи Павловнѣ, Маріи Павловнѣ и Маріи Георгіевнѣ.

Въ это время изъ орудій, расположенныхъ на Тайницкой башнѣ, была произведена салютационная пальба.

Въ соборѣ за богослуженіемъ находились: г. градоначальникъ генералъ-маіоръ А. А. Адриановъ, московскій губернаторъ флигель-адъютантъ В. Ѳ. Джунковскій, почетные опекуны, завѣдующій придворной частью князь Н. Н. Одоевскій-Масловъ, представители дворянства, города, земства, начальствующія лица и много богомольцевъ.

Въ каедральномъ во Имя Христа Спасителя соборѣ литургію и молебствіе совершалъ преосвященный Трифонъ, епископъ дмитровскій, съ архимандритомъ Модестомъ, каедральнымъ протоіереемъ М. И. Соколовымъ и прочимъ духовенствомъ.

Въ придворномъ Благовѣщенскомъ соборѣ богослуженіе совершалъ о. сакелларій, протоіерей П. Г. Извѣковъ, съ придворными протоіереями, а въ Архангельскомъ соборѣ служилъ настоятель протоіерей Лавровъ съ прочимъ духовенствомъ, при пѣніи хора г. Солнцева въ парадной формѣ.

Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

Содержаніе: Соціаль-демократія и будущій общественный порядокъ.—Праздникъ Св. Владиміра въ Кіевѣ.—Тревожные вопросы въ пастырской жизни.—Молитва Св. Великомученику и Цѣлителю Пантелеймону.—За пятьдесятъ лѣтъ.—Лѣтопись епархіальной жизни.—Резолюціи Митрополита Филарета. (Продолженіе).

При семъ № прилагается „Московскій Благовѣстъ“ № 30. Цѣна листковъ безъ пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп. При выпискѣ на 5 руб., пересылка бесплатно.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извѣковъ.

Исп. об. редактора
Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

Печатня А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій пер., соб. домъ. (5402)

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

26 іюля.

№. 30.

1908 года.

О порядкѣ опредѣленія священно-церковно-служителей въ причты переселенческихъ приходовъ Зауральскихъ епархій и объ условіяхъ обезпеченія сихъ причтовъ.

Вслѣдствіе переселенческаго движенія за Уралъ, особенно усилившагося въ послѣднее время, тамъ ежегодно возникаетъ множество новыхъ поселковъ, часто въ мѣстахъ глухихъ, въ значительномъ отдаленіи отъ населенныхъ пунктовъ. Въ такихъ случаяхъ новопоселенцевъ болѣе всего тяготитъ ихъ заброшенность, оторванность отъ христіанскаго міра, невозможность правильного удовлетворенія религіозно-нравственныхъ потребностей. Тоска по храмѣ Божіемъ бываетъ настолько сильна, что заставляетъ иногда новоселовъ бросать уже насиченныя мѣста и искать новыхъ, поближе къ старожильческимъ селеніямъ. Съ другой стороны, оставаясь безъ пастырскаго руководства, поселенцы подвергаются опасности совращенія въ расколъ или сектанство. Посему, нынѣ Духовное Вѣдомство и Переселенческое Управленіе объединились въ заботѣ объ устроеніи церковнаго быта переселенцевъ. Въ переселенческихъ поселкахъ строятся храмы и молитвенные дома, съ отпускомъ на это пособій изъ суммъ Духовнаго Вѣдомства и Переселенческаго Управленія, открываются новые приходы, съ назначеніемъ причтамъ жалованья изъ казны, притомъ въ усиленномъ размѣрѣ, такъ какъ новоселы, сами еще не устроившіеся, не въ силахъ бываютъ оказывать какое-либо пособіе своимъ причтамъ. Для мѣстностей же, гдѣ, по разбросанности поселковъ, образованіе приходовъ не представляется еще возможнымъ, рѣшено назначать разъѣздные причты съ походными церквями. Уже теперь въ каждой епархіи Зауралья (кромѣ Якутской, Забайкальской и Туркестанской) намѣчены десятки пунктовъ для образованія новыхъ приходовъ; въ нѣкоторыхъ же епархіяхъ (Томской, Омекой, Оренбургской) такихъ пунктовъ насчитывается до 100 и болѣе. Для вновь открываемыхъ приходовъ требуются священнослужители, между тѣмъ, ихъ недостаточно въ Зауральѣ и для существующихъ приходовъ, многіе десятки которыхъ подолгу оста-

ются безъ священниковъ, по неимѣнію кандидатовъ священства. Необходимо, чтобы въ этомъ дѣлѣ пришли на помощь Зауральскимъ переселенцамъ епархіи Европейской Россіи. Посему, Святѣйшій Синодъ поручилъ епархіальнымъ преосвященнымъ Европейской Россіи располагать благонадежныхъ священно-служителей, особенно малосемейныхъ, а также лицъ, оканчивающихъ курсъ духовныхъ семинарій, и даже монашествующихъ, къ поступленію на службу въ Зауральскія епархіи, особенно же въ епархіи Дальняго Востока. Монашествующіе и вообще одинокіе священно-служители приглашаются, предпочтительно предъ другими, на вакансіи разѣздныхъ священниковъ, причемъ іеромонахамъ разрѣшено Святѣйшимъ Синодомъ совершеніе всѣхъ требъ и таинствъ (въ томъ числѣ и брака). Русская земля не оскудѣла людьми, ищущими духовнаго подвига. Безъ сомнѣнія, найдутся многіе, которыхъ не устрашатъ трудности и лишенія, соединенныя съ пастырскимъ служеніемъ въ далекой Сибири, среди неустраившихся еще переселенцевъ.

Порядокъ поступленія священнослужителей (въ томъ числѣ и монашествующихъ) на службу въ Зауральскія епархіи слѣдующій. Назначеніе зависитъ отъ преосвященныхъ тѣхъ епархій, куда желаютъ поступить. Кандидаты на должности разѣздныхъ священниковъ, въ виду спѣшности дѣла, подаютъ заявленія чрезъ свое епархіальное начальство, непосредственно въ Святѣйшій Синодъ. По этимъ заявленіямъ Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ сносится съ Переселенческимъ Управленіемъ, которое снабжаетъ кандидатовъ путевымъ довольствіемъ для немедленнаго отправленія къ мѣстамъ служенія. Они отправляются, собственно не получивъ еще назначенія, снабженные лишь удостовѣреніемъ епархіальнаго начальства о своей личности и цѣли поѣздки. Утвержденіе ихъ въ должности должно послѣдовать со стороны преосвященнаго той епархіи, въ которой они будутъ служить. Кандидаты же на должности священно-служителей въ постоянныхъ приходахъ должны обращаться съ прошеніями къ преосвященнымъ тѣхъ епархій, куда они желаютъ поступить, обязательно прилагая къ прошеніямъ, между прочимъ, удостовѣреніе о благонадежности отъ своего епархіальнаго начальства. По полученіи извѣщенія о своемъ назначеніи въ извѣстные приходы, они чрезъ мѣстное епархіальное начальство могутъ просить Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ о выдачѣ имъ пособія на проѣздъ къ мѣсту службы. Такъ какъ этого рода пособія не могутъ быть выдаваемы кандидатамъ священства, не состоящимъ пока въ священномъ санѣ, между тѣмъ, отправленіе къ мѣсту служенія на свои средства, по дальности пути, для многихъ вовсе непосильно, то таковымъ лицамъ рекомендуется принимать рукоположеніе въ своихъ епархіяхъ, съ причисленіемъ на время къ мѣстному архіерейскому дому, съ тѣмъ, чтобы къ мѣсту служенія въ Сибири они могли отправиться уже въ священномъ санѣ и получить на проѣздъ пособіе.

Содержаніе разъѣзднымъ священникамъ въ переселенческихъ районахъ (въ томъ числѣ и монашествующихъ) положено въ размѣрѣ: священнику 1000 руб., псаломщику 500 руб. и на разъѣзды 500 руб. при чемъ разъѣздныя деньги отпускаются подотчетно, т. е. получающія ихъ лица обязаны представлять контролю отчетъ о расходѣ ихъ на предметъ назначенія. Квартирныхъ денегъ разъѣзднымъ священно-служителямъ не полагается. На проѣздъ же ихъ до мѣста службы выдается для одинокаго: стоимость желѣзнодорожнаго билета 2-го класса собственно на проѣздъ и стоимость второго такого же билета на расходы по провозу багажа; кромѣ того, выдается ежемѣсячный окладъ содержанія на издержки, соединенныя съ переѣздомъ на новое мѣсто. Въ томъ случаѣ, когда назначенному лицу въ дѣйствительности предстоитъ совершить часть дороги на лошадахъ, разстояніе отъ конечной желѣзнодорожной станціи до мѣста назначенія оплачивается на общемъ основаніи (согласно ст. 222 уст. о сл. пр., Св. Зак. т. III, изд. 1896 г.). Если же предстоитъ совершить до мѣста назначенія часть пути на пароходѣ, то выдается стоимость соотвѣтственнаго числа пароходныхъ билетовъ I класса. Семейнымъ лицамъ, въ дополненіе къ указанной выдачѣ, присваивается право на полученіе по одному билету для жены и для каждаго изъ дѣтей, моложе 18-лѣтняго возраста. вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ выдаваемого имъ пособія повышается до суммы двухмѣсячнаго содержанія.

Для причтовъ постоянныхъ приходовъ не установлено общихъ (одинаковыхъ) окладовъ содержанія. Последніе разнообразятся въ зависимости отъ мѣстныхъ условій жизни и отъ размѣра пособій, назначаеваемыхъ отъ прихожанъ. Въ общемъ, установленныя, по Высочайше утвержденному 23 апрѣля 1893 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, высшіе оклады для причтовъ (священнику 600 руб. и псаломщику 200 руб.) считаются для переселенческихъ приходовъ нормальными. Впрочемъ, при нѣсколько достаточномъ содержаніи отъ прихожанъ, назначается жалованье и въ меньшемъ размѣрѣ. Въ Благовѣщенской же и Владивостокской епархіяхъ причтамъ вновь учрежденныхъ переселенческихъ приходовъ назначено содержаніе въ усиленномъ размѣрѣ: священникамъ по 700 руб. и псаломщикамъ по 300 руб. Въ случаѣ необходимости, предположено назначать и болѣе высокіе оклады—до 1800 руб. и даже 2000 руб. на причтъ. Но повышенныя нормы содержанія имѣютъ временный характеръ: онѣ назначаются на 5 лѣтъ до улучшенія матеріальнаго быта новоселовъ. Дома для причтовъ въ переселенческихъ приходохъ строятся при пособіи отъ казны. Наконецъ, что касается путевыхъ пособій лицамъ, отправляющимся для поступленія на причтовыя вакансіи въ постоянныхъ переселенческихъ приходохъ, то таковыя пособія будутъ выдаваться Хозяйственнымъ Управленіемъ при Святѣйшемъ Синодѣ на одинаковыхъ основаніяхъ и по тому же вышеуказанному расчету, какъ и поступающимъ на вакансіи въ разъѣздныхъ причтахъ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣленъ:

На вакансію псаломщика къ Московской Николаевской, въ Кленникахъ, церкви учитель Говоровской церковно-приходской школы, Моск. у., Александръ *Сахаровъ*, 13 іюля.

Перемѣщенъ:

На вакансію псаломщика къ Московской Никитской, въ Старой Басманной, церкви псаломщикъ Московской Николаевской, въ Кленникахъ, церкви Николай *Отрадинскій*, 13 іюля.

Отъ Комитета для принятія пожертвованія на храмы, устрояемые въ Сибирскомъ краѣ.

Комитетъ, учрежденный при Чудовѣ монастырѣ для приѣма пожертвованій на храмы, устрояемые въ Сибирскомъ краѣ, симъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что въ іюнѣ сего года вынута изъ кружки, находящейся при свѣчномъ ящикѣ Алексіевской церкви Чудова монастыря, пожертвованій *одинъ (1) рублей 60 копѣекъ*.

Отъ Комитета, Высочайше учрежденнаго для принятія и храненія приношеній на созиданіе храма во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго въ Москвѣ, въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Комитетъ, учрежденный при Кааедральномъ Чудовѣ монастырѣ для приѣма и храненія пожертвованій на сооруженіе храма, въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, симъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что въ іюнѣ 1908 года вынута изъ двухъ кружекъ, находящихся на паперти Алексіевской церкви Чудова монастыря и при свѣчномъ ящикѣ въ той же церкви, пожертвованій на построеніе означеннаго храма *три (3) рубля 56 копѣекъ*.

Отъ Совѣта Филаретовскаго епархіальнаго женскаго училища.

Совѣтъ Филаретовскаго училища симъ извѣщаетъ, что переэкзаменовки воспитанницамъ приготовительнаго I, II и III классовъ назначаются на 18 и 19 августа, приемные экзамены въ приготовительный и I классы будутъ 20 и 21 августа, переэкзаменовки воспитанницамъ IV, V и VI классовъ—23 и 25 августа, приемные экзамены во II, III, IV и V классы,—въ тѣ изъ этихъ классовъ, въ которыхъ окажутся свободныя вакансіи,—будутъ 26 и 27 августа. Молебень и начало ученія 1 сентября.

Отъ Правленія Перервинскаго духовнаго училища.

Правленіе училища симъ объявляетъ, что при училищѣ имѣются двѣ вакантныхъ должности Надзирателя за учениками училища. Жалованье 300 руб. въ годъ при готовой квартирѣ и столѣ. Желательно, чтобы означенныя должности были замѣщены лицами, послужившими въ учителяхъ церковно-приходскихъ школъ.

Прошенія подаются лично на имя Смотрителя училища.

Переводный алфавитный списокъ воспитанницъ Московскаго Филаретовскаго епархіальнаго женскаго училища, составленный на засѣданіяхъ Совѣта 30 мая и 13 іюня 1908 года на основаніи вѣдомостей объ успѣхахъ воспитанницъ.

(Продолженіе. См. № 29).

5-ый классъ 1 отдѣленіе. Переводятся въ 6-ой классъ.

1. Ансерова, Евгенія.
Аѳонская, Клавдія.
Блохина, Анна.
Боголѣпова, Александра.
5. Богословская, Марія.
Бухарева, Варвара.
Воздвиженская, Анна.
Воздвиженская Наталія.
Воронцова, Марія.
10. Добролюбова, Марія.
Дроздова, Александра.
Касимова, Надежда.
Крылова, Анна.

- Кудрявцева, Анна.
15. Лебедева, Екатерина.
Лебедева, Капитолина.
Лебедева, Марія.
Левикова, Евгенія.
Львова, Александра.
20. Миловидова, Антонина.
Орлова, Елизавета.
Орловская, Нина.
Попова, Александра.
Рождественская, Марія 2-я.
25. Розанова, Лидія.
Розанова, Наталія.
Сахарова, Клавдія.
Соколова, Агрипшина.
Соколова, Александра.
30. Соколова, Марія.
Соловьева, Зоя.
Соловьева, Нина.
Страхова, Павла.
Ступакова, Татіана.
35. Успенская, Татіана.

Назначаются переэкзаменовки:

- Рождественской, Маріи 1-ой, по словесн. пис.
Сперанской, Валентинъ, по алгебрѣ.
Орловой, Маріи, по ариѳметикѣ.
Остроумовой, Лидіи, по словесн. пис.
40. Соловьевой, Александрѣ, по словесн. пис.
Троицкой, Серафимѣ, по словесн., устно и пис.
Ильинской, Клавдіи. } По словесн. пис.
Никольской, Капитолинѣ. }
- Васильевской, Олимпіадѣ, по гражданс. исторіи и по алгебрѣ.
45. Булгаковой, Лидіи, по словесн. устн. и по гр. исторіи.
Смоленской, Елизаветѣ, по ариѳметикѣ.
Соловьевой, Еленѣ, по словесности устно.
Зариной, Серафимѣ, по словесно пис.
50. Любимовой, Серафимѣ, по словесн. устно и пис. и по алгебрѣ,
Никольской, Аннѣ, по ариѳметикѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

